

УДК 340.1

АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВЫЕ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ НОРМ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА В ПРАВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ (НА ПРИМЕРЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОЧНИКА ПРАВА «ЭКЛОГА»)

В. И. Павлов

*Институт правовых исследований Национального центра законодательства
и правовой информации Республики Беларусь*

Поступила в редакцию 22 января 2025 г.

Аннотация: в работе исследуется процесс рецепции норм византийского права в право Древней Руси. Обосновывается, что влияние византийского права на древнерусское право осуществлялось путем южнославянской (сербско-болгарской) рецепции римско-византийского права. Рецепция осуществлялась в основном через правовые акты Православной Церкви, представляющие собой акты светско-церковного правового синтеза. В качестве основного акта рецепции рассматривается византийский Номоканон, получивший на Руси наименование Кормчей книги. Подчеркивается, что особенностью Номоканона являлось закрепление не только канонических норм, но и норм общегражданского, светского византийского права, взятых из соответствующих источников права и, таким образом, проникавших на Русь. Аргументируется, что наиболее значимым светским источником византийского права является Эклога, нормы которой в наибольшей степени были восприняты древнерусским правом. На основании анализа текста славянского перевода Эклоги делаются выводы антрополого-правового и культурно-исторического характера, связанного с формированием правового сознания и правового мышления личности в Древней Руси. Также формулируются положения об особенностях развития отечественного права и человека в праве на современном этапе развития в связи с фактом исторического влияния византийского права на право Древней Руси на начальном этапе правогенеза.

Ключевые слова: право, рецепция, Византия, Эклога, норма права, древнерусское право, византийское право, антропология права.

© Павлов В. И., 2025

ANTHROPOLOGICAL, LEGAL AND TEXTUAL FEATURES OF THE RECEPTION OF THE NORMS OF BYZANTINE LAW IN THE LAW OF ANCIENT RUS (ON THE EXAMPLE OF THE BYZANTINE SOURCE OF LAW “ECLOGUE”)

V. I. Pavlov

*Institute of Legal Research of the National Center of Legislation
and Legal Information of the Republic of Belarus*

Abstract: the paper examines the process of the reception of the norms of Byzantine law in the law of Ancient Rus. It is proved that the influence of Byzantine law in Ancient Rus law was carried out through the South Slavic (Serbian-Bulgarian) reception of Roman-Byzantine law. Reception was carried out mainly through the legal acts of the Orthodox Church, which represent a secular-ecclesiastical legal synthesis. The Byzantine Nomocanon, which received the name of the “Kormchajia Kniga” in Rus, is considered as the main act of reception. It is emphasized that the peculiarity of the Nomocanon was the consolidation of not only canonical norms, but also norms of civil and secular Byzantine law, taken from relevant sources of law and, thus, penetrated into Rus. It is argued that the most significant secular source of Byzantine law is the Eclogue, the norms of which were most widely accepted by Ancient Rus law. Based on the analysis of the text of the Slavic translation of the Eclogue, conclusions are drawn of an anthropological, legal and cultural-historical nature related to the formation of legal consciousness and legal thinking of a personality in Ancient Rus. It also formulates provisions on the peculiarities of the development of national law and human rights at the present stage of development in connection with the fact of the historical influence of Byzantine law on the law of Ancient Rus at the initial stage of legal genesis.

Key words: law, reception, Byzantium, Eclogue, rule of law, Ancient Rus law, Byzantine law, anthropology of law.

Введение

В понимании закономерностей функционирования и развития права определенного народа или культурного ареала важнейшее место занимает исследование антрополого-правовых и культурно-исторических особенностей их формирования. Уяснение антрополого-правовых характеристик формирования права предполагает, прежде всего, изучение исторических, этнических, религиозных и иных социальных факторов, оказавших влияние на восприятие права конкретным на-

родом, как правило, в самом начале его цивилизационно-культурного становления, либо когда народ самостоятельно формирует собственный автохтонный комплекс правовых норм, либо когда он «встречается» с правом другого народа и заимствует его в порядке рецепции. Такое исследование позволяет понять, почему восприятие простейших по своему составу юридических правил, исторически первых уголовно-правовых и гражданско-правовых установлений, позволяющих людям жить и взаимодействовать в социальной среде и применять принуждение к тем, кто эти установления нарушает, тем не менее, приобретает качественно отличные черты у разных обществ уже на этапе раннего правогенеза.

В современной юридической науке изучение указанных вопросов осуществляется в рамках *антропологии права как юридико-этнологической, или юридико-этнографической дисциплины*, в рамках которой познаются особенности формирования и действия права в контексте существования человека юридического в обществе и культуре на основе исследования антропологического материала, определенной исторической и социокультурной традиции¹. Развитие данной науки началось в XIX в. и было связано с именами таких первых антропологов права, как Г. Пост, И. Я. Бахофен, Г. Дж. Мейн и др. На современном этапе развитие юридико-этнографических исследований осуществляется такими правововедами, как Н. Рулан, А. И. Ковлер, С. А. Дробышевский, Л. Поспишил (L. Pospíšil) В. Фикентчер (W. Fikentscher), Е. Дэриан-Смит (E. Darian-Smith) и др.²

От антропологии права как юридико-этнографической дисциплины следует отличать *антропологию права как фундаментальную теоретическую юридическую науку*, направленную не на изучение культурно-исторических и иных закономерностей развития права конкретного социума, но на исследование и разработку различных теоретико-правовых моделей человека юридического, на основе которых и происходит познание права и всех правовых явлений. Антропология права как теоретико-правовая наука представляет собой своего рода аналог традиционной общеправовой теории с той лишь разницей, что познание основных закономерностей функционирования и развития права и го-

¹ См.: Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : монография. М., 2021. С. 39–46.

² См.: Rouland N. *Anthropologie juridique* : 1re edition. Paris, 1988. 496 p.; Ковлер А. И. Антропология права: учебник для вузов. М., 2002. 467 с.; Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции. Красноярск, 1991. 186 с.; Ethnography and law / ed. by Eve Darian-Smith. Burlington, 2007. 586 p.; Darian-Smith E. *Laws and societies in global contexts: contemporary approaches*. Cambridge, 2013. 422 p.

сударства она осуществляет с человекоцентристских позиций, т.е. с методологической позиции центрального места человека как правового деятеля в процессе существования и развития всех элементов правовой реальности.

Развитие теоретической антропологии права на современном этапе осуществляется усилиями представителей одновременно нескольких школ, направлений, исследовательских групп в постсоветской юриспруденции: Санкт-Петербургской школы антропологии права (И. Л. Честнов, И. Б. Ломакина, Н. В. Разуваев, Л. А. Харитонов, А. Э. Черноков и др.), московских антропологов права и исследователей антрополого-правовой направленности (А. И. Ковлер, В. П. Малахов, Д. А. Пашенцев, Е. М. Крупеня и др.), Уральской школы антрополого-правовых исследований (О. А. Пучков, С. И. Архипов и др.), Минской группы исследователей антрополого-правовой проблематики (В. И. Павлов, Е. И. Станбровский, Н. М. Дубрава, И. И. Мазуров и др.), исследователей Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии в Воронеже (С. Н. Махина, Н. В. Малиновская, И. С. Завьялова и др.), а также и другими учеными. Этнографическая и теоретическая линии антропологии права, несмотря на различие в предмете и методах познания, являются взаимосвязанными и направлены на достижение фактически одной цели: познавать право не как институциональный, но как человекомерный феномен, объективно различающийся у разных народов и культур (несмотря на наличие общих характеристик) и обладающий своей идентичностью как связью норм с социокультурным субстратом.

Настоящее исследование выполнено в рамках юридико-этнографического направления антропологии права и посвящено анализу формирования древнерусского права в контексте рецепции византийских правовых норм. Самые ранние черты формирования древнерусского права, а следовательно, и правового сознания, ценностная основа самого стиля правового мышления на «заре» формирования права восточнославянского мира, несмотря на тысячелетнюю историческую дистанцию, продолжают сохранять свое значение и оказывать незримое влияние на уже современную правоприменительную практику. Формирование норм древнерусского права анализируется по древнерусскому тексту славянской Эклоги, являющейся рецептированным актом одноименного византийского источника права. Исследование построено на базе текстологического анализа с элементами антрополого-правовой интерпретации. Выводы формулируются на основе методологии истории юридической ментальности.

1. Особенности развития византийского права в средневизантийский период: Эклога и ее общеправовые принципы

Правовое развитие Византии, в отличие от эволюции Западной традиции права, имело характерные особенности, которые ввиду доминирующего культурного влияния Византии на Русь в определенной мере отразились и в древнерусской правовой традиции. На всем протяжении существования византийского государства как наследника римской правовой системы отсутствовал разрыв между народным правом, фактически применявшимся для регулирования общественных отношений, и римским правом, постепенно подвергшимся в Византии христианизации. На Западе римское право сохранялось лишь в «стенах монастырей»: начиная с Бревиария Алариха (VI в.) вплоть до Ирнерия (XI в.) оно не применялось и оставалось практически неизвестным за исключением его изучения и применения Латинской христианской церковью³. Как замечают исследователи, несмотря на то, что германские записи обычного права – «варварские правды» («Lex Burgundionum», «Lex Visigothorum», «Lex Salica», «Lex Saxonum» и др.) – были написаны на вульгарной латыни с включением множества германских слов (*lingua vulgaris*)⁴, а также отдельных элементов римского права, «язык правоведов в западноевропейских странах был непонятен для простого населения, поэтому латинизированная западноевропейская юриспруденция развивалась в отрыве от народной духовной культуры»⁵.

В Восточной Римской империи, т.е. в Византии, а равно и у славян, посредством реципированных византийских источников права, правовая система развивалась в другом культурно-историческом контексте. Византийское государство как восточная часть Римской империи, эволюционируя из эпохи поздней Античности в Средневековье, не имела фазы прерывания правовой традиции. Здесь эволюция римской правовой системы была связана с широким распространением и укоренением христианской культуры. В Византии древнеримские правовые нормы и институты были погружены в христианский контекст, однако это было сделано эволюционным путем, постепенно, без разрыва с римской пра-

³ См.: О различии западной и византийской традиций на примере формирования церковного права, в частности сравнения Декрета Грациана и комментария Ф. Вальсмона см.: *Gallagher C. Church Law and Church Order in Rome and Byzantium: A Comparative Study*. Aldershot, 2002. 279 p.

⁴ См.: Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей под ред. проф. П. Г. Виноградова. М., 1897. Вып. 2. С. 4–5.

⁵ *Томсинов В. А.* Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2009. № 4. С. 3–26.

новой традицией, посредством ее органичной трансформации в рамках уже фактически нового, христианского государства.

Типичным примером византийского права средневизантийского периода является Эклога (726/741 г.) – краткая кодификация законодательства эпохи императоров Исаврийской династии⁶. Обычно романисты высказывают упреки относительно уровня и качества византийских источников права постюстиниановой эпохи, сравнивая их с высоким юридическим стилем римского права классического периода. Однако византийское право начала VIII в., право эпохи «Темных веков» империи, выражением которого как раз и является Эклога, соответствовало реальным потребностям и нуждам населения и тенденциям государственного развития в данное время. Разработчики Эклоги не просто развивали римские правовые нормы и институты, осуществляя их приспособление к новым непростым социально-экономическим условиям жизни, но насыщали правовые нормы ценностно-правовыми смыслами на основе христианской нравственности, изменяли юридико-технические подходы к правотворческой деятельности, к структурированию материала. Эклога нередко описывается как акт с неполным охватом регулируемых общественных отношений, однако разработчики источника объективно были вынуждены использовать лаконичный юридический язык, применять новые, более эффективные с учетом ситуации подходы к подаче нормативного материала. Так, при разработке Эклоги византийские юристы применили новый подход к структуре акта, сделав его четким и стройным по сравнению со Сводом Юстиниана середины VI в. (*Corpus Iuris Civilis*). В частности, построение правового материала в Эклоге отходит от классической системы частного права, предложенной римским юристом Гаем (лица, вещи, иски), и осуществляется на основе более простой и конкретной системы распределения материала, согласно которой в каждом разделе можно найти нормы, относящиеся как к статусу лиц, так и вещному праву, а также к искам⁷. При этом каждый титул источника фактически представляет собой нормы отдельной отрасли права, в отдельный Титул XVII выделены нормы уголовного права.

⁶ В науке нет общепринятой датировки Эклоги. 741 г. – последняя датировка, обоснованная Л. Бургманом: *Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. Herausgegeben von Ludwig Burgmann. Frankfurt-am-Main, 1983. S. 12.* Длительный период времени годом издания акта считался 726 г. См.: Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц М., 1965. 228 с.; *Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. Herausgegeben von Ludwig Burgmann. Frankfurt-am-Main, 1983.*

⁷ См.: *Лысенко О. Л.* Эклога 726 г. – памятник права Византии эпохи иконоборчества и «правового новаторства» // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2014. № 3. С. 21.

Следует также учесть, что Эклога была первым чисто византийским источником права, изданным в империи после Свода Юстиниана, который оставался единственной официальной кодификацией империи законодательного уровня. Известный отечественный византинист Елена Эммануиловна Липшиц справедливо отмечала, что с момента законодательства Юстиниана до принятия Эклоги было издано около 20 новелл различных императоров⁸, поэтому значение Эклоги было огромным, на что указывают многочисленные переиздания и списки источника уже в середине VIII в.

В Эклоге отразились социально-политические, экономические, культурные, духовные и другие изменения, произошедшие в империи почти за 200 лет и, соответственно, приведшие к эволюции многих правовых институтов римского права, отраженных в Своде Юстиниана. Дореволюционный византинист Ф. И. Успенский отмечал, что именно с издания Эклоги «получает важное значение вопрос о правовых принципах, введенных в византийскую жизнь со времени Исаврийской династии»⁹. Характерно, что Эклога во многих рукописях сопровождается приложениями с самостоятельными дополнительными источниками права по отдельным сферам правового регулирования. Наиболее часто это Земледельческий закон (Νόμος γεωργικός)¹⁰, Морской (Родосский) закон (Νόμος Ροδίων Ναυτικός)¹¹ и Военный закон (Νόμος Στρατιωτικός)¹², регулирующие, соответственно, аграрные и связанные с ними правоотношения, сферу морской торговли и мореплавания, а также военное право. Указанные византийские акты оказали и продолжали оказывать влияние на формирование аграрного, военного права и права международной торговли как на Западе, так и на Востоке и после падения империи.

Важным является и тот факт, что Эклога была написана не на латыни, а на греческом языке – языке, не только общеупотребительном во всем византийском государстве (несмотря на то, что в провинциях наряду с греческим в судопроизводстве могли использоваться и местные языки – коптский, сирийский и др.), но также языке Священного Писания, Предания, соборных постановлений и восточно-христианского бо-

⁸ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. С. 19. Известно 7 новелл императора Юстина II, 11 новелл Тиверия, 3 новеллы Маврикия, 4 новеллы Ираклия, 1 эдикт Юстиниана II.

⁹ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Периоды IV–V. М., 2013. С. 44.

¹⁰ См.: Византийский земледельческий закон / текст, исследование, комментарий подг. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская ; под ред. И. П. Медведева. Л., 1984. 280 с.

¹¹ См.: Морской закон родосцев / текст, исследование, комментарий подг. М. Я. Сюзюмовым // Античная древность и средние века : сборник статей УрГУ. 1969. Вып. 6. С. 3–54.

¹² См.: Кучма В. В. Νομος Στρατιωτικός (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права) // Византийский временник. 1971. Т. 32(57). С. 276–285.

гословия. В условиях византийской правовой системы светская¹³ и церковная системы регламентации по своему содержанию должны были не противоречить друг другу, но быть направлены на взаимную социорегулятивную поддержку, что требовало некоторой взаимной корреляции юридического и богословского понятийно-категориального аппарата. Как верно замечает О. Л. Лысенко, «...в Эклоге не проводится четкого различия между светским и церковным, а также между частным и публичным правом. Это и не могло произойти в таком сильном, централизованном государстве с христианством в качестве единой государственной идеологии, каким являлась Византия»¹⁴.

Действительно, в статьях источника встречается множество нравственно-христианских мотивировок, особенно в сфере брачно-семейного и наследственного права, а также правовые нормы и институты, составившие византийское уголовное и административно-регулятивное право¹⁵. Уже анализ Предисловия – своего рода Преамбулы Эклоги – показывает, что в правовом акте излагаются общеправовые принципы византийского права: законность, равенство всех перед законом, справедливость, гуманизм, соразмерность и др., при этом практически все указанные принципы сопровождаются нравственно-христианским обоснованием со ссылками на Священное Писание. Приведем несколько характерных фрагментов из Преамбулы Эклоги с выражением общеправовых принципов, указывающих на нравственно-христианскую и светско-юридическую корреляцию, неизвестную классическому римскому праву.

Так, для правоприменителей Эклога предписывает использовать следующие принципы: «Тем же, кто поставлен исполнять законы, мы рекомендуем, а вместе с тем и приказываем, воздерживаться от всяких человеческих страстей и выносить решения, исходя из здравого суждения *по истинной справедливости* [της ἀληθους δικαιοσύνης]; не презирать бедных, не оставлять без преследования несправедливо поступающего могущественного [человека] и не выказывать в преувеличенной форме на словах восхищения справедливостью и равенством, на деле же отдавая предпочтение как более выгодному несправедливости и лихоимству. Когда судятся две стороны, одна – стремящаяся к стяжанию и другая – малоимущая, ставить их в *равное положение* друг к другу и от-

¹³ Слово «светский» применительно к византийскому и древнерусскому праву, правовым нормам, системе законодательства и т.д. в настоящей работе употребляется не в смысле буржуазного принципа отделения церкви от государства, но в смысле правоустановлений, исходящих не от церковной, а от государственной власти, которая при этом также основывается на религиозном типе легитимации.

¹⁴ Лысенко О. Л. Указ. соч. С. 22.

¹⁵ См.: Макаров Д. А. Особенности законодательства Исаврийской династии Византийской империи // Царскосельские чтения. 2015. Т. I, XIX. С. 186–191.

нимать у имущего настолько больше, насколько они найдут обиженным ущемленного. Так как те, в души которых ранее не заложена истинная справедливость и которые либо испорчены страстью к деньгам, либо потворствуют дружбе, либо мстят за вражду, либо опасаются могущественных людей, не могут судить справедливо, подтверждая на себе слова псалмопевца: “Аще убо во истину правду глаголете, правая судите сынове человествии: ибо в сердце беззаконие делаете на земли; неправду руки ваши сплетают”. Равным образом и Соломон Мудрый, уподобляя неравный суд неравным мерилам, говорил в притче: “Мерило великое и малое мерзко пред Господом”¹⁶.

Также во вводной части Эклоги интересно обоснование изложения необходимости введения заработной платы судей из фиска для предотвращения взяточничества и коррупции на основании христианской мотивации: «Господь (и спаситель) наш Иисус Христос сказал: “Не судите, взирая на лица, но праведным судом судите”; поэтому право должно удерживаться от всякого принятия подарков. Ибо написано: “Горе оправдывающим нечестивого ради даров и правду правдивого отмечающим, их же корень будет как перст, а цвет рассеется как прах, так как не захотели исполнить Господний закон. Потому что мзда и дары ослепляют очи и мудрым”. Поэтому, стремясь всемерно положить предел корыстолюбию, мы решили выдавать жалование из нашего благочестивого саккеля славнейшему квестору, антиграфевсам, всем служащим в судебных органах с тем, чтобы они с какого бы то ни было (лица), судимого у них, ничего совершенно не брали, дабы не исполнилось у нас сказанное пророком: “Продашь за серебро праведного”, чтобы мы не навлекли из-за этого гнева Божьего, став преступниками как нарушившие его заповеди”¹⁷.

Помимо этой сильной христианской мотивировки в Преамбуле Эклоги, *практически все нормы этого источника права, что особенно заметно в частноправовых положениях, явно либо неявно сформулированы на основе идей христианской нравственности*. Непосредственно же изложенные нравственно-христианские мотивировки встречаются в гипотезах норм, содержащихся в ст. 7, 13, 15 Титула II (брачно-семейное право), ст. 1 Титула VII (наследственное право), в Титуле XVIII (военное право) Эклоги.

Вместе с тем, обращая внимание на христианский характер многих норм Эклоги, следует согласиться с замечанием С. Я. Гагена о том, что «нормативными фактами в византийском правосознании библейские аллегории не становились... византийский законодатель очень точно понимает, где кончается религия и начинается право... <...> ...визан-

¹⁶ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. С. 42.

¹⁷ Там же. С. 43.

тийский законодатель старался всякий закон связать с соответствующим местом из Писания, но исключительно для того, чтобы показать христианское уmonoстроение законодателя»¹⁸. Еще раз повторим, что эволюция римского права в Византии осуществлялась без разрыва традиции, без вторжения какого-либо другого права, как это имело место на Западе с народным правом германцев, но с усиливающейся христианизацией классических римских правовых положений.

2. Общая характеристика рецепции византийского права в Древней Руси: южнославянский (сербско-болгарский) путь рецепции

В современной византистике и историко-правовой науке влияние византийского права на правовой быт древнерусских княжеств является общепризнанным фактом. Дискуссионным остается только вопрос относительно особенностей взаимопересечения реципированного и местного права и их действия на практике, а также особенностей восприятия и понимания реципированных византийских правовых норм на уровне профессионального и обыденного правосознания в Древней Руси.

Н. Л. Дювернуа в своем исследовании о праве Древней Руси обосновал, что древнерусские юристы использовали нормы византийских источников права, входивших в состав Кормчей книги (древнеслав. «кръмчии», кормчий – рулевой)¹⁹. Кормчая книга на Руси представляла собой полный древнерусский аналог византийского синтезированного, светско-церковного источника права под названием «Номоканон» (среднегреч. «Νομοκανών», νομοί – гражданские, светские законы, κανόνες – каноны, т.е. правила, правовые нормы церкви). В византийский Номоканон входили: а) нормы церковного права, касающиеся правовых отношений, одной стороной которых выступала церковь, ее члены, имущество и т.д., б) правовые нормы, устанавливаемые гражданской, императорской властью, охватывающие правоотношения с религиозным элементом, в) нормы общегражданского права, охватывающие достаточно широкий круг правовых отношений, связанных с

¹⁸ Гаген С. Я. Византийское правосознание IV–XV вв. : монография / отв. ред. член-корреспондент РАН И. П. Медведев. М., 2012. С. 104.

¹⁹ См.: Об истории Кормчей книги на Руси см.: Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1905. 334 с.; Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. С. 109–126; Суворов Н. С. Курс церковного права. Ярославль, 1889. Т. 1. С. 303–311; Цытин В. Каноническое право. М., 2009. С. 216–225.

моральными нормами, которые сегодня входят в частные отрасли права (гражданского, брачно-семейного, наследственного и др.)²⁰.

На Руси состав Номоканона (Кормчей книги) отличался от византийского более широким охватом материала. В первоначальную Древнерусскую Кормчую²¹, т.е. фактически в первый реципированный византийский правовой акт, действовавший сразу после крещения Руси (988 г.), помимо византийского сборника Иоанна Схоластика в 87 главах и Номоканона в XIV титулов, были реципированы части из следующих общегражданских источников византийского права: 1) Эклоги (726/741 г.); 2) «Прохирона», изданного в Византии между 870 и 879 гг.; 3) «Закона судного людем» (другое название – «Судебник царя Константина») – греко-болгарского источника, также включавшего в себя нормы Эклоги наряду со статьями местного происхождения²². Н. Л. Дювернуа, в свою очередь, также отмечал, что «в эпоху, когда выработалась Русская Правда, мы уже знали все те сборники греческого права, которые находятся теперь в печатной Кормчей книге. Существенное значение для права гражданского и для юристов имеют следующие четыре сборника: 1) Закон судный людем, 2) Избрание из закона Моисея, 3) ...Эклога, 4) ...Прохирон»²³. Исследователь верно указывал на высокий авторитет и широкую церковную юрисдикцию реципированного византийского права на Руси, права не только церковного, канонического, но и общегражданского, светского, которое, однако, в условиях древнерусской государственности в основном заимствовалось через Кормчую книгу²⁴.

Рецепция на Руси норм общегражданского византийского права не через светские источники древнерусского права, а через Кормчую книгу нередко приводит к ошибкам интерпретации в работах историков права, особенно тех из них, которые придерживаются советских объяснительных схем древнерусской правовой системы и системы источников права как якобы строго разделенных на светскую и церковную юрисдикции. Разделение имело место, однако оно не было и не могло быть строгим, абсолютным и последовательным. В связи с этим нередко происходит недооценка реального состояния правового сознания и правового мышления древнерусского общества и человека, им припи-

²⁰ См.: Заозерский Н. А. К истории номоканона в Византии и Древней Руси // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1886. Ч. 37, кн. 1. С. 412–427.

²¹ См.: Павлов А. С. Первоначальный славяно-русский Номоканон. Казань, 1869. 100 с.

²² См.: Там же. С. 95. Относительно «Закона судного людем» А. С. Павлов высказывал предположение, что разные редакции этого источника предназначались для светских и церковных судей соответственно, о чем свидетельствуют различные санкции за те или иные правонарушения в разных редакциях Закона, а также то, что некоторые редакции были соединены с Русской Правдой в один источник. См.: Там же. С. 98–99.

²³ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России: опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 316.

²⁴ См.: Там же. С. 153.

сывается современная ментально-юридическая характеристика разделения светского и церковного со всеми вытекающими последствиями, ошибочно осуществляется неявный перенос современного ментально-правового состояния на структуры правосознания прошлого.

Вместе с тем древнерусское правовое сознание обладало характеристиками синтеза светско-юридических и нравственно-христианских элементов, что связано как с правовой природой рецептированных источников византийского права (их христианизированный характер), так и с неразличением в процессе этой рецепции светско-гражданского и церковного права. Если проанализировать церковную юрисдикцию на Руси, то становятся очевидными ее широта и практически универсальный характер по сравнению с аналогичной юрисдикцией в Византии. Это объясняется тем, что воспринятая православная вера, а вместе с ней и византийское право рассматривались на Руси в качестве «священных эталонов», выработанных в «Православной Империи ромеев» идеальных установлений. Разумеется, это не соответствовало действительности ввиду того факта, что базой светского гражданского права Византии являлось пусть и христианизированное, но всё же римское языческое право. Более того, в самой Византии существовало четкое разделение общегражданской и канонической юрисдикций, причем последняя была установлена в империи только в начале IV в. и не могла не учитывать и не адаптироваться к опыту римского права, столетиями существовавшего в римском государстве до эпохи легализации христианства.

Относительно рецепции византийского права на Руси нельзя не указать на культурную функцию данного процесса, особенно в области частного права. Распространение рецептированного византийского права посредством установления церковной юрисдикции на область брачно-семейных и связанных с ними уголовно-правовых, административно-правовых, имущественных, процессуальных и иных правоотношений «явилось важным шагом в гражданском развитии древнерусского общества, существенным шагом для выхода его из примитивного варварского состояния, достижения общего стандарта жизни христианизированных европейских стран того времени»²⁵. Уже в Уставе Владимира устанавливаемая церковная юрисдикция направлена на ограничение государственной (княжеской) юрисдикции: «По томъ разверзьше грецьскыи номоканонъ и вбрѣтохомъ в ньмъ, вже не подобаетъ сихъ соудовъ и тажъ кн(я)зю соудити, ни боюромъ юго, ни соудемъ»²⁶. В Уставе Ярослава также на основании норм византийского Номоканона устанавливает-

²⁵ Шапов Я. Н. Формирование церковной юрисдикции и проблема правового положения изгоев в Древней Руси // Исторический вестник. 2002. № 1(16). URL : http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/2.htm (дата обращения: 21.01.2025).

²⁶ Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 16–19.

ся церковная юрисдикция: «Се ѣзь, кн(я)зь великий Гѣрославъ, с(ы)нѣ Володимеръ, по данию отца своег(о) с'гадалъ есмь с митрополитом с Ларишном, сложил есмь греч(е)скыи номоканоун; аже не подобает(ь) сих таж(ь) соудити кн(я)зю и боярwm, даль есмь митрополитѣ и еп(и)с(ко)пмь тѣ сѣды, что писаны в' правилѣх, в номоканоунѣ»²⁷. Закрепленная в судебных Уставах Владимира и Ярослава бланкетная норма о том, что не следует рассматривать в рамках светской княжеской юрисдикции дела по фактам, которые указаны в гипотезах норм рецепированного греческого Номоканона, означает свободное подчинение древнерусского права праву византийскому в самом начале правогенеза.

Какие дела попали в церковную юрисдикцию на Руси в связи с указанной нормативной отсылкой к Кормчей книге? Это дела, связанные 1) с нарушением моногамной семьи, 2) кровосмешением, 3) прелюбодеянием, 4) оскорблением женщины словом, 5) изнасилованием, 6) заключением брака путем похищения невесты, 7) браком между близкими родственниками, 8) самовольным расторжением брака, 9) имущественными спорами супругов при разводах, 10) защитой престарелых родителей от произвола детей, 11) особыми случаями хулиганства, 12) отношениями в области медицинской практики, 13) фармацевтики и пр.

Н. В. Калачов, в свою очередь, выделил девять категорий дел, относящихся к церковной юрисдикции на Руси:

1) иски родителей на детей, мужей на жен и жен на мужей, рабов на господ, всех лиц женского пола и детей, когда эти иски относились, в первом случае, к непослушанию, а во всех других – к насилию, незаконной жизни и иным подобным деяниям;

2) иски отцов духовных на духовных детей своих «в непослушании и во всяком беззаконии», а также иски священнослужителей на своих прихожан, которые не являлись духовными чадами, «в том, что они не ходят в церковь, не постятся и не имеют духовников»;

3) иски на бесчестие, особенно зазорное;

4) иски о запрещенных браках и незаконно прижитых детях;

5) иски «о сыновотворении», т.е. усыновлении приемыша, и о братотворении, и о наделении их свойствами наследников;

6) иски господ на рабов, которые женятся, уходя в монастырь, или живут «в бегах» незаконно;

7) иски по завещаниям и в целом по наследованию имущества;

8) чародейства, волхвованья, расколы и все преступления против веры;

9) *любое дело, если истец предпочитает церковный суд гражданскому*²⁸.

²⁷ Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 85–91.

²⁸ См.: Калачов Н. В. О значении Кормчей в системе древнего русского права. М., 1850. С. 12.

Нельзя также забывать, что по субъекту церковное право имело универсальную юрисдикцию в отношении священников, диаконов, их семей, лиц, служивших в храмах, монастырях, «задушных людей», вдов, «калик», врачей, инвалидов, «прощеников», вообще всех, «питающихся от церкви»²⁹. В юрисдикции церкви также находились те правоотношения, которые требовали применения *системы записи, исчисления, элементарных технических средств, научных знаний*. Например, *служба мер и весов* нередко находилась в ведении епископских кафедр³⁰, следовательно, регулятивные правоотношения в хозяйственной, налоговой сфере, возникающие споры по этим делам были связаны в том числе и с церковью. В распространении *делопроизводства*, письменном ведении дел церковь также неизменно превосходила княжескую канцелярию³¹.

Особенностью рецепции византийского права в Древней Руси и в целом особенностью правового мышления древнерусского человека было и то, что не только сугубо религиозные по содержанию византийские тексты, но и те из них, которые содержали общегражданские правовые нормы, воспринимались в качестве неотъемлемой части христианской традиции. Например, включенный в Кормчую книгу уже упомянутый «Закон судный людем»³² являлся актом универсальной юрисдикции, он ввел ряд прогрессивных правовых положений общегражданского, светского права, которых не знало древнерусское право. В частности, это признание свидетелей главным источником доказательств, описание требований к их личным качествам, к их количеству, запрет на предъявление иска в отсутствие свидетелей, ответственность за лжесвидетельство и др. Все эти нормы, ставшие в результате рецепции нормами древнерусского права, в своих первоначальных истоках восходят к нормативным положениям Кодекса Юстиниана и византийской Эклоги³³.

Объяснение такого способа рецепции норм римско-византийского права в право Древней Руси на основании общепринятого в юридической науке понимания рецепции римского права как его заимствования, адаптации и переработки на Западе от схоластов до немецкой пандектистики XIX в. не является удовлетворительным. В связи с этим

²⁹ См.: Шапов Я. Н. Формирование церковной юрисдикции и проблема правового положения изгоев в Древней Руси; Калачов Н. В. Указ. соч. С. 13.

³⁰ См.: Шапов Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси. X–XIII вв. М., 1989. С. 90–95.

³¹ См.: Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб., 2010. С. 306–307.

³² Закон Судный людем: списки кр. ред. и воспроизв. списков / подгот. к печ.: М. Н. Тихомиров. М., 1961. 567 с.

³³ См.: Чемеринская В. В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство X–XVII вв. : опыт сравнительного анализа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 12.

решение вопроса о рецепции византийских правовых норм на Руси может быть осуществлено на базе подхода, предложенного Д. И. Азаревичем еще в XIX в. Речь идет о существовании в европейской правовой традиции не одного, а как минимум двух магистральных путей рецепции римского, или римско-византийского права в Европе – в основном о нормах римского права, кодифицированных в ранневизантийский период в *Corpus Iuris Civilis*. Два пути рецепции римско-византийского права представляют собой:

1) **западный**, или *итальянский путь рецепции*, связанный с зарождающимся светским движением западноевропейской университетской традиции в XI в.;

2) **византийский**, или *южнославянский (сербско-болгарский) путь*, связанный с рецепцией норм христианизированного римско-византийского права в составе светских источников византийского права и церковных книг, начиная с IX в.

Оба этих пути возникают практически одновременно, однако отличаются локализацией (географией) своего протекания и способами, внутренней логикой самой рецепции. Не последнюю роль в различии этих двух путей рецепции римско-византийского права играет и конфессиональный фактор – роль латинского и восточного христианства соответственно.

Западный путь рецепции римского права стал основной линией правовой традиции Западной Европы и формирования континентальной юридической догматики. На землях Северо-Восточной Руси он начинается только с XVIII в. реформами Петра I Великого и достигает кульминации во второй половине XIX в. во время проведения либеральных реформ в правовой системе Российской империи, а также «экспорта» российскими учеными правовой доктрины из западноевропейских университетов, где они практически все проходили научные стажировки. На землях Западной Руси, в том числе на белорусских землях, итальянский путь рецепции начинается несколько ранее и находит свое отражение в законодательстве Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского (далее – ВКЛ). Уже с конца XIV в. посредством польского и немецкого законодательства начинается проникновение в право ВКЛ элементов римского права. Наибольшая интенсивность влияния римского права на право ВКЛ как напрямую, так и через польско-немецкое посредничество, достигается в XVI в.

Южнославянский путь рецепции римского права через византийские источники права и светско-церковные книги характерен только для правовых систем византийской ойкумены, т.е. стран круга «Византийского Содружества Наций» – православных государств Восточной Европы, цивилизационно-культурный процесс в которых был обуслов-

лен связью с Византией, ее культурой, религией и правом³⁴. Этот путь рецепции римского права начинается в этих странах с IX–X вв. и совпадает с началом их культурно-исторического развития и принятия ими христианства.

3. Рецепция норм византийской Эклоги в древнерусском праве

3.1. Среди источников общегражданского византийского права, оказавших влияние на древнерусское право, особое место занимает Эклога. Ее древнерусский перевод, как полагает Л. В. Милов, был сделан еще во время правления Владимира Святославовича в его окружении с новейшей для того времени редакции полного текста византийской Эклоги («*Ecloga private*»)³⁵. Правда, с Л. В. Миловым полемизировал В. М. Живов, который утверждал болгарское происхождение славянского перевода византийской Эклоги, относящегося к IX в.³⁶ Обоснованную позицию по поводу перевода памятника выдвинула А. А. Пичхадзе, с точки зрения которой древнерусский текст славянской Эклоги действительно являлся переводом южнославянских, болгарских книжников³⁷, однако был выполнен специально для его применения в Древней Руси. В процессе перевода южнославянские книжники использовали так называемые *русизмы* в тех случаях, когда к греческим словам и терминам они не находили соответствия в церковнославянской языковой традиции (о русизмах см. ниже)³⁸. Вероятно, болгарские книжники постоянно вра-

³⁴ «К 1000 г. сложилось сообщество государств и народов, простиравшееся от Финского залива до Южного Пелопоннеса и от Адриатического моря до Кавказа. Все они в той или иной степени были связаны узами верности с Византийской Церковью и императором. К тому же к этому моменту восточноевропейское сообщество достигло невиданного до того времени культурного и политического единства». *Оболенский Д. Д.* Византийское Содружество Наций. М., 1998. С. 218.

³⁵ См.: *Милов Л. В.* Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) // *Ius Antiquum. Древнее право.* М., 1998. № 1(3). С. 113. О древнерусском переводе Эклоги см. также: *Его же.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // *История СССР.* 1976. № 1. С. 142–163; *Его же.* О древнейшей истории кормчих книг на Руси // *История СССР.* 1980. № 5. С. 105–123.

³⁶ См.: *Живов В. М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема // *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры.* М., 2002. С. 187–290.

³⁷ О расцвете болгарской книжности и Преславской книжной школы в X веке см.: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991. 465 с. Д. М. Буланин справедливо замечает, что «многие литературные деятели Преслава получили блестящее классическое образование в столице империи [Константинополе]». Там же. С. 266.

³⁸ См.: *Пичхадзе А. А.* Славянский перевод Эклоги // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова.* IX. История русского языка и культуры: памяти В. М. Живова. М., 2016. С. 94–95. См. также подробно по этому вопросу: *Ее же.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011. 408 с.

щались в древнерусской среде, будучи специально приглашенными на Русь как авторитетные славянские переводчики для «книжного дела» и получавшими из княжеской казны вознаграждение за свой труд, либо выполняли перевод Эклоги в Болгарии, но по заказу русских князей или митрополита.

Эклога на Руси рассматривалась не только в качестве рецептированного византийского права как права, связанного с православной традицией и верой Восточной Римской империи, но она также оказала влияние и на Русскую Правду – источник права, традиционно противопоставляющийся праву церковному. М. Н. Тихомиров отмечал, что Русская Правда как наиболее авторитетный источник этнически самобытных правовых норм восточных славян, тем не менее, также испытала влияние византийского права, прежде всего, Эклоги³⁹. При этом древнерусские книжники при составлении Русской Правды использовали не сам греческий или болгарский тексты Эклоги, а «Закон судный людем», выступавший своего рода источником-посредником между правом греков и правом славян, адаптировавшим многие положения византийского законодательства к славянской правовой действительности. Следует отметить, что из всех византийских источников общегражданского права именно нормы Эклоги оказали самое существенное влияние не только на Русскую Правду, но и в целом на все источники древнерусского права.

В современной историко-правовой науке рецепция Эклоги в древнерусское право досконально исследована Ярославом Николаевичем Шаповым в его последней работе, посвященной славянской Эклоге в ее древнерусском списке⁴⁰. В монографии ученый провел обширный текстологический и сравнительно-правовой анализ Полной редакции славянской Эклоги, сохранившейся в древнерусских рукописях, по трем изводам: изводу Мерила Праведного, изводу кормчих книг различных

³⁹ См.: Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 59, 154.

⁴⁰ См.: Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. СПб., 2011. 240 с. Инициатором работы по изданию славянской Эклоги, как отмечал сам Я. Н. Шапов (1928–2011), был известный немецкий византинист Людвиг Бургман (1948–2019). Изначально планировалось издать совместную с Л. Бургманом монографию. Последний предоставил советскому историку греческий и немецкий тексты памятника в 1983 г. еще до их официального издания. Однако в связи с тем, что Л. Бургман так и не смог подготовить свою часть текста, Я. Н. Шапов незадолго до своей смерти в 2011 г. (ученый не дождался выхода в свет своего труда несколько недель) решил на самостоятельное завершение труда. Первоначально же рукопись работы, подготовленная Я. Н. Шаповым, была утверждена к печати Ученым советом Института истории СССР АН СССР еще 27 октября 1983 г. См.: Лисовой Н. Н. Постскрипtum // Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 233–235.

списков, а также по Печатной кормчей⁴¹, сопоставляя их с исходным греческим текстом Эклоги по современному изданию Эклоги Л. Бургмана⁴². Помимо сравнения с греческим текстом, Я. Н. Шапов сопоставил нормы Эклоги с древнерусским правом, а также с другими рецепированными славянами византийскими памятниками права и их компиляциями. В частности, он сравнил славянскую Эклогу с договорами Руси с Византией 911 и 944 гг. и с немецкими городами, Русской Правдой, уставными и судными грамотами, княжескими уставами, Законом судным людем, Законом Моисея, Прохироном, Книгами Законными, Мерилом Праведным, Правосудием Митрополичьим, Судебником 1497 г. и Уложением 1649 г. Ученым проведена огромная работа, произведен полный юридико-текстологический анализ славянской Эклоги, выявлены смысловые и текстологические различия между греческим оригинальным текстом и его славянскими переводами. В своем анализе при сопоставлении греческого и славянского текстов Эклоги мы будем учитывать, в первую очередь, проведенное Я. Н. Шаповым текстологическое исследование славянской Эклоги, а также наблюдения других исследователей рецепции византийского права на Руси (В. М. Живова, Е. В. Беляковой, Л. В. Милова, А. А. Пичхадзе и др.).

3.2. Рецептированные на Руси нормы Эклоги, о которых будет идти речь ниже, заимствовались не в качестве аутентичного источника византийского права, т.е. не в качестве напрямую перенесенного византийского закона, но в качестве включенных в состав светско-церковных книг, т.е. номоканонов и других действовавших на Руси правовых компиляций (Книги Законные, Мерило Праведное, Пандекты Никона Черногорца, Правосудие Митрополичье, Епитемийники⁴³). Нормы Эклоги «разбросаны» по различным источникам древнерусского права как местного, так и южнославянского происхождения. Наиболее целостно они вошли, как уже отмечалось выше, в южнославянскую компиляцию-перевод Эклоги – Закон судный людем (Судебник царя Константина). В особенности это касается Титула XVII Эклоги – свода норм византийского уголовного права VIII в. Я. Н. Шапов, характеризуя Закон судный людем, отмечал, что «сама подготовка этого перевода, его распространение, перенесение из одних стран в другие, создание Сокращенной редакции свидетельствуют о стремлении использовать этот кодекс права на практике, в интересах славянских стран. В процессе перевода и переработок нашли отражение не только трудности, с которыми

⁴¹ См.: Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 13–186.

⁴² См.: Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. 282 p. См.: Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 12.

⁴³ См.: Павлов В. И. Указ. соч. С. 300–316.

сталкивались книжники в передаче норм, понятий и терминов чужого общества, но и стремление приспособить эти памятники и их нормы к условиям того места и времени, где эта работа проводилась. Таким образом, славянские переводы Эклоги являются ценным историческим источником для изучения рецепции византийского права у южных и восточных славян, в Древней Болгарии, Древней Руси и наследовавших им государствах»⁴⁴.

Следует отметить, что Эклога переводилась не только на славянские⁴⁵, но также на армянский и арабский (коптский) языки⁴⁶, что указывает на популярность данного источника византийского права. Несмотря на осуждение Эклоги в хронологически следующем за ней источнике византийского права – Прохироне (879 г.) – как «извращенных законов» вследствие того, что источник права был издан императорами-иконоборцами Львом III Исавром и его сыном Константином V Копронимом, тем не менее, нормы источника продолжали использоваться в последующих памятниках византийского права. Характерно, что после осуждения иконоборческой ереси на VII Вселенском Соборе в 787 г. при императрице Ирине и дезавуации иконоборческой политики Льва III и Константина V введенная в юридическое действие при их правлении Эклога не рассматривалась византийскими правоведами как «извращенная» книга. Византийские юристы, составлявшие Прохирон и другие последующие источники права, невзирая на «формулу осуждения» в Прохироне, активно использовали нормы Эклоги. На Руси же вопрос о чистоте реципированных византийских источников права как таковой вообще не стоял: *Номоканон и вообще все византийские, «царские» законы рассматривались древнерусским правосознанием в качестве*

⁴⁴ Там же. С. 6.

⁴⁵ На русский язык впервые отдельные фрагменты Эклоги были переведены иеромонахом Епифанием Славинецким ок. 1660 г. по изданию немецкого историка права Иоанна Леунклавия, который первым в западной традиции перевел Эклогу в 1596 г. См.: *Iuris Graeco-Romani tam canonici quam civilis tomus duo Johannis Leunclavii*. Amelburni. Francfurt, 1596. Т. II. P. 79–133; *Щанов Я. Н.* Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 8.

⁴⁶ Армянский перевод Appendix Ecloga (Приложения к Эклоге) в 1196 г. для Киликийской Армении выполнил архиепископ Тарса Нарсес Ламбронати. См.: *Микаелян Г. Г.* История Киликийского армянского государства / Г. Г. Микаелян ; Акад. наук Армянской ССР, Ин-т истории. Ереван, 1952. 534 с. Коптский перевод Эклоги и Приложения к ней вошел в состав Собраний правил Макария XIV в., а также в коптский Номоканон XIII в., составленный ас-Сафи Абу-ль-Фадаилем ибн аль-Ассалем и названный «Сборник ас-Сафи». См.: *Kaufhold H.* Sources of Canon Law in the Eastern Churches // *The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500* / ed. W. Hartmann, K. Pennington. Washinton, 2012. P. 215–342; *Cöln F. J.* The Nomocanon Literature of the Copto-Arabic Church of Alexandria // *The Ecclesiastical Rev. Phil.* 1917. Vol. 56, No. 2. P. 113–141; *Youssef Y. N.* The Patriarch Macarius II and His Canons // *Journal of Coptic Studies.* 2009. Vol. 11. P. 115–125.

богодухновенных, т.е. таких, в которых не разделялось светское право и канонические нормы.

3.3. Исследование древнерусского списка Эклоги показывает во многом осмысленное усвоение русским правовым сознанием норм византийского права и приспособление местного обычного права к реципированному праву. Вместе с тем переводчики при переработке норм Эклоги творчески относились к греческому тексту и применяли разнообразные юридико-технические возможности при работе с реципированным текстом. В частности, книжники использовали следующие технические приемы перевода и юридической обработки реципированного материала:

- 1) опускали греческие юридические термины, если не понимали их значения;
- 2) заменяли реципированные термины своими терминами по смыслу и логике сложившегося местного правопорядка;
- 3) оставляли греческие термины вообще без перевода, передавая их славянскими буквами в транслитерации;
- 4) сознательно исключали те или иные греческие нормы права в случае их несоответствия местной правовой традиции;
- 5) вводили юридические русизмы – аналоги специальных греческих юридических понятий, содержащихся в реципированных источниках права;
- 6) допускали ошибки в переводе из-за его непонимания.

Е. В. Белякова обратила внимание, что важные политико-правовые понятия и принципы в сфере публичного права и системы государственного управления Византии, сформулированные в Преамбуле Эклоги, о содержании которой шла речь выше, не нашли отражения в славянской политико-правовой традиции⁴⁷. Они не были понятны и корректно не были переведены в силу политико-правовой и цивилизационной дистанции между Византией и Русью. Так, например, словосочетание «...εἰρηναῖον τε ἡμῖν καθίστασθαι τὸ βασιλεῖον καὶ εὐσταθές τὸ πολίτευμα»⁴⁸ («мирное царствование и прочное управление государством»), содержащее важнейшие политико-правовые термины, переводчик передал как «мирнѣ намъ оустроити царствие, и благостояннѣ, и житиѣ», опустив термин «управление государством»⁴⁹. Также переводчик опустил и наименование судебных должностей, что, впрочем, логично, однако при этом не указал на сходную роль и значение своего суда, заменив политико-правовую риторику нравственно-христианской. Своеобразно был

⁴⁷ См.: Белякова Е. В. Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «Византизм» в русской государственности // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2012. № 5. С. 36.

⁴⁸ См.: Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. P. 162.

⁴⁹ Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 13.

воспринят древнерусским книжником и византийский принцип справедливости, изложенный в предисловии к Эклоге. У византийских юристов данный принцип согласуется с нравственно-христианским принципом правды, или истины («*αλήθεια*»), но полностью не отождествляется с ним⁵⁰. Древнеримская правовая традиция понимания справедливости, выраженная в Своде Юстиниана, в византийском праве не была отброшена, а была синтезирована с христианским принципом истины, или правды. Славянский же переводчик Эклоги воспринимает и переводит понятия «справедливость» («*δικαιοσύνη*») и «истина» («*αλήθεια*») как тождественные, как единую «Правду Божию». Под ней понимается истина, основанная на христианских заповедях, в которой справедливость и нравственное христианское благочестие сливаются воедино, в отличие от византийской правовой традиции, где эти два понятия, несмотря на их взаимосвязь и взаимное согласование, всё же различимы.

В таком же контексте переводчик воспринимает термин и выражаемое им греческое понятие «*αλήθους δικαιοσύνης*»⁵¹ («истинная справедливость») – как «истинных правды и соудбы»⁵², понятие «*δίκαια στάθμια*»⁵³ («весы правосудия») – как «праведная мѣрила»⁵⁴ и т.д. Эта особенность славянского правосознания, заключающаяся в неразличении, синкретичности справедливости и «Правды Божией», обусловлена спецификой византийской (южнославянской) рецепции права на Руси, когда и светское, и церковное законодательство Византии передавалось в рамках цельного синкретичного комплекса. Я. Н. Шапов в связи с этим, комментируя Преамбулу славянской Эклоги, также отмечает, что в ней «понимать справедливость» значит «разуметь праведное»⁵⁵. К. В. Вершинин, анализируя выражение «праведная мерила» из предисловия древнерусской компиляции Мерило Праведное, основанное на Преамбуле византийской Эклоги, указывает на заимствование данного выражения посредством не столько перевода «*δίκαια στάθμια*», сколько заимствования его из Священного Писания (Притч. 16:11)⁵⁶.

Вместе с тем главная идея содержания Предисловия, или Преамбулы византийской Эклоги о защите слабых и угнетенных, тема праведного суда по своему смыслу точно передана в славянской Эклоге, но в более христианском, нежели в чисто юридическом контексте.

⁵⁰ См.: Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. P. 160–167.

⁵¹ Ibid. P. 162.

⁵² Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 15.

⁵³ Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. P. 162.

⁵⁴ См.: Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 15–16.

⁵⁵ См.: Там же. С. 62.

⁵⁶ См.: Вершинин К. В. Мерило Праведное и особенности рецепции византийского права на Руси // Исторический вестник. М., 2016. № 17(164). С. 122.

3.4. Текстологический анализ славянской Эклоги по ее древнерусским спискам показывает работу правоведа-переводчика, работающего с греческим текстом, и дает возможность выявить антрополого-правовые и культурно-исторические особенности восприятия древнерусским правовым сознанием и мышлением заимствованной правовой традиции. Помимо исключения в славянской Эклоге целого ряда важных политико-правовых понятий и принципов, сформулированных византийскими юристами в греческой Эклоге, в самих статьях источника также видна работа славянского книжника-переводчика, вносящего в славянский перевод текста изменения различного порядка. В частности:

– в ст. 1.1⁵⁷ славянской Эклоги переводчик, не подобрав в своем языке соответствующих терминов, передал два различных греческих термина – *μνηστεία* (свадебный сговор) и *αρραβών* (задаток в обеспечение брака) одним термином – «обручение»;

– в ст. 2.5.1 опустил неизвестный ему грецизированный латинизм «*ινβέντον*» («инвентарь»); грецизированные латинизмы, присутствующие в византийских источниках права, по понятным причинам представляли сложность для славянского переводчика, как правило, не знакомого с латынью;

– в ст. 3.1 переводчик опустил положения о некоторых правах и обязанностях мужа по отношению к приданому;

– в ст. 5.1 воспринял и точно передал неизвестное русскому праву положение о требованиях к завещателям, которые ограничивают их правомочность;

– в ст. 5.5 и в других местах славянской Эклоги грецизированный латинизм «*τα λεγάτα*» перевел как «задница»⁵⁸ (наследство), в связи с тем, что узкий греко-римский термин «*τα λεγάτα*» – т.е. части наследства, которые наследники обязаны по завещанию передать третьим лицам или учреждениям, – был неизвестен в древнерусском праве (о происхождении этого термина см. ниже);

– исключил главы о рабах, попавших в плен (ст. 8.4.1), и о перебежчиках, вернувшихся в свою страну (ст. 8.4.2)⁵⁹.

⁵⁷ Здесь первая цифра соответствует номеру Зачала, вторая после точки – номеру Главы/статьи. Нумерация дается по изданию славянской Эклоги Я. Н. Шапова: *Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции.* 240 с.

⁵⁸ Термин «задница» во всей славянской письменности известен только в русской письменности, что, по мнению Л. В. Милова, является важным аргументом для подтверждения древнерусского происхождения перевода. *Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги).*

⁵⁹ См.: *Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции.* С. 115–116; *Андреев М. Римское право и Славянската Еклога // Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. София, [1958–1959].* Т. 50, № 1. С. 8.

Переработка прослеживается и в Зачале 15 (Титул XIV византийской Эклоги) «О свидетелях» («О послуших верных и неверных...»). В частности, ст. 6 и 10 Титула XIV византийской Эклоги, регламентирующие порядок допроса свидетелей по гражданским и уголовным делам, опущены в связи с неразличением на Руси гражданского и уголовного процессов⁶⁰.

В Зачале 16 переводчик применительно к форме мирового соглашения опустил греческое слово «εγγράφως» («в письменной форме») Титула XV Эклоги, очевидно, не зная письменной формы соглашения (хотя, по мнению Я. Н. Щапова, здесь это указывает на ошибку перевода).

В Зачале 17 (Титул XVIII Эклоги) в ст. 18.1 переводчик вместо положения о передаче 1/6 части военной добычи казне («αφιερῶσθαι δὲ τῷ δημόσιῳ»), учитывая реалии фискальной политики в древнерусском государстве, передал это положение следующим образом: «достоить взимати князю». То же наблюдается и в ст. 18.2.

В статье 8 Зачала 17 (17.48⁶¹) греческое слово «τα ὄργανα» (орудия преступления) из-за незнакомства его древнерусскому юристу-переводчику было пропущено.

В статье 34 этого же Зачала (17.16) древнерусский книжник перевел греческое словосочетание «σῶμα ἐλεύθερον» («тело свободного», т.е. свободного человека) как «свободную семью», не поняв смысла этого выражения как «свободного человека», вследствие чего это место славянской Эклоги осталось непоясненным.

В статье 36 (17.10) грецизированный латинизм «ἐν ἐξπλεδίτῳ» (т.е. «в походе», «в экспедиции») русский переводчик опустил, как и другие латинизмы, из-за непонимания смысла.

Наряду с указанными выше нормами В. М. Живов также привел некоторые места в славянской Эклоге, демонстрирующие непонимание переводчиком греческого текста⁶².

3.5. Проводя лингвистический анализ славянской Эклоги, Л. В. Миллов, а за ним и А. А. Пичхадзе выделили *группу русизмов*, однозначно указывающих именно на восточнославянское, а не на южнославянское происхождение или предназначение данного правового акта. В частности, А. А. Пичхадзе выделила в тексте славянской Эклоги четыре явных русизма, указывающих на подготовку данного перевода для использования его на территории Древней Руси:

⁶⁰ См.: Андреев М. Указ. соч. С. 15; Щапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 141; Ермолович В. И. Влияние римского права на развитие гражданского законодательства средневековых славянских стран // Право и демократия : сб. науч. трудов / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2009. Вып. 20. С. 128.

⁶¹ При описании статей Зачала 17 в скобках дается нумерация аналогичных статей Титула XVII византийской Эклоги.

⁶² См.: Живов В. М. Указ. соч. С. 679–680.

1) «задница» (уже упоминавшийся нами термин Эклоги для обозначения наследства, аналог греческого понятия «*τα λεγάτα*»);

2) «пристрожь» (термин для обозначения приданого невесты, получаемого ею от своей семьи, передает греческое «*προίξ*»);

3) «прикроута» (также термин для обозначения приданого невесты, получаемого ею от своей семьи, но уже передает греческое «*τα πράματα*»);

4) «оурядиться» (слово для обозначения составления письменного соглашения о браке, передает греческое «*στοιχέω*»)⁶³.

Относительно термина «задница» Л. В. Милов отмечал, что переводчик вынужденно обратился к восточнославянскому лексикону для того, чтобы различить при переводе два юридических термина, использованных в греческом тексте: «*κληρονομία*» и «*τα λεγάτα*»⁶⁴. «*Κληρονομία*» – это само наследство, «*τα λεγάτα*» – это часть наследства, которую наследники обязаны по завещанию передать третьим лицам или учреждениям на основании воли завещателя. Норма о легатах в ст. 5.5 византийской Эклоги восходит к положениям Институций и Кодекса Юстиниана⁶⁵. Так, согласно Институциям Юстиниана, легат есть «дарение, оставленное покойным» (Inst. II.20.1), а лица, получавшие легат, не считались наследниками, поскольку не несли ответственности за долги наследодателей, но не могли и получить отказанное им в случае непокрытия долгов. Вместе с тем «легатарий может требовать легат, оставленный в какой угодно форме, не только посредством личных исков, но также посредством вещных и ипотечных» (Inst. II.20.2)⁶⁶.

Разумеется, на Руси легат как наследственная норма был неизвестен. Поэтому переводчик для передачи термина «*κληρονομία*» использовал традиционный церковнославянский эквивалент – слово «наслѣдиѣ», для передачи же грецизированного латинизма «*τα λεγάτα*» церковнославянского соответствия не было, поэтому книжник обратился к восточнославянскому лексикону и употребил термин «задница». Этот термин, взятый из древнерусского узуса, использовался и в Русской Правде в значении наследства (ст. 92, 94, 95, 97, 100 и др. Пространной Правды).

Термины «пристрожь», «прикроута» также искусственно сконструированы русским переводчиком на основе восточнославянского узуса для различения приданого, которое жених давал за невесту (так называе-

⁶³ См.: Пичхадзе А. А. Славянский перевод Эклоги. С. 90–92.

⁶⁴ См.: Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги). С. 152.

⁶⁵ Комментарий к статье 5.5 о легатах см. в: Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц М., 1965. С. 117–118.

⁶⁶ См.: Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера ; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М., 1998. С. 162–163.

мый брачный дар – «αρραβών»), и приданого, которое невеста получала от своей семьи («προιζ»). Вероятно, древнерусское брачно-семейное право не знало такого различия, обозначая приданое термином «вѣно», который долгое время использовался как в Московском государстве, так и в праве ВКЛ. Термин «вѣно» переводчик атрибутировал греческому «αρραβών», а для терминов «προιζ», «τα πράγματα» использовал новообразования «пристрож», «прикроута».

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию на основе текстологического анализа и описания процесса рецепции норм византийского права в право Древней Руси, следует сформулировать общетеоретические выводы антрополого-правового и культурно-исторического характера.

1. Древнерусское право, равно как и отечественная правовая традиция в самом начале ее генезиса, формировалось в особом культурно-историческом контексте, связанном с влиянием византийского права, воспринимаемого как один из составных элементов обширной византийской православной культуры и веры. Само византийское право на момент его рецепции в древнерусское право (X в.) претерпело значительные изменения по сравнению с римским правом классического и постклассического периодов: оно христианизировалось и было адаптировано к новым социально-экономическим условиям развития государства эпохи Средних веков. Византийский закон стал более лаконичным, структурно более простым, но в то же время содержательно более насыщенным христианскими правовыми ценностями и нравственно-христианскими мотивировками. Наиболее характерным источником византийского права, отразившим эти новые тенденции, стала византийская Эклога. При этом особенностью византийского права являлись, при взаимной согласованности, раздельность и различие светского общегражданского и канонического регулирования.

2. Характерной особенностью рецепции византийского права на Руси являлось, напротив, неразличение общегражданского и канонического элементов заимствуемого права в связи с высоким авторитетом всех социальных институтов Византийской империи как «священных установлений» и отсутствием на Руси на момент рецепции собственной развитой правовой системы. На этом основании древнерусское правовое сознание после Крещения Руси приобрело характеристики синтеза светско-юридических и нравственно-христианских элементов. Нормы источников общегражданского византийского права, равно как и нормы источников канонического права, рассматривались как освященные православной традицией. Они реципировались не путем издания

аналогичных византийским самостоятельным источникам права, переведенных на древнерусский язык, а помещались в Кормчую книгу как единый источник регулирования. Церковная юрисдикция на Руси при этом, по мере христианизации государства, расширялась и включала в себя достаточно обширный круг общественных отношений, в Византии традиционно относившийся к общегражданской, светской юрисдикции.

3. Характерной особенностью правового мышления древнерусского человека было восприятие не только сугубо религиозных по содержанию византийских правовых норм, но и тех из них, которые содержали заимствованные гражданские, светские правовые нормы империи, в качестве неотъемлемой части единой христианской традиции. Правовое мышление древнерусского человека, таким образом, по мере христианизации всего древнерусского общества характеризовалось всеохватывающим влиянием и приоритетом церковного сознания над сознанием юридическим в его светском значении. Иными словами, человек как правовой деятель в пространстве древнерусской правовой действительности в целом являлся носителем церковно-фундированного правового сознания, что, однако, не предполагает приписывания такому сознанию высокого уровня христианской нравственности. Речь идет просто о соотношении канонического и общегражданского компонентов в правовом представлении людей.

4. Формирование церковно-фундированного правового сознания личности в праве Древней Руси, в свою очередь, объясняет, почему проблематика ценностей в праве, вопрос личности в праве и аналогичные им вопросы являлись значимыми на протяжении всей истории отечественной юриспруденции и правовой мысли, таковыми они представляются и для современной русской философии и теории права. Полагаем, что это обусловлено особенностью начального правогенеза Руси, тесно связанного с процессом южнославянского (сербско-болгарского) пути рецепции норм римско-византийского права, с заимствованием христианизированных правовых норм в составе светских источников византийского права и церковных книг. Реципированные на Руси нормы византийского права заимствовались не в качестве напрямую перенесенного византийского закона, но в качестве включенных в состав светско-церковных книг, т.е. номоканонов, «священных установлений».

5. Поглощение светского, общегражданского элементов церковным, каноническим сознанием, с одной стороны, создало на уровне правовой модели человека древнерусской правовой культуры ценностно-правовую доминанту, напрямую сформировавшуюся на основе христианской нравственности, фактически с ней отождествленную. С другой стороны, неактуальность для русского правового сознания светских, общегражданских правовых элементов византийского права как отделенных

от церковных (например, отсутствие рецепции в древнерусском праве ряда важнейших общеправовых принципов Эклоги, в частности, принципа справедливости в его общегражданском истолковании), доставшихся ему из римского правового наследия, указывает на проблематичность правового регулирования общественных отношений в условиях светского общества и государства, а также в случае злоупотребления самой традицией правовой регламентации на основе византийской идеи светско-церковного синтеза.

6. Текстологический анализ древнерусского списка Эклоги указывает на осмысленную работу восточнославянских книжников по приспособлению заимствованных терминов, понятий, институтов для местной юридической практики, ввиду чего не только Эклога, но все византийские переводные памятники на Руси испытали определенную русификацию. Вместе с тем, когда византийские правовые понятия, нормы и даже институты переводчику были незнакомы и в особенности когда они не отражали нравственно-христианский смысл, а являлись элементами инерции римского общегражданского права, в таком случае они опускались. Это же касалось и грецизированных латинизмов из-за общего незнакомства на Руси с латинской культурной традицией.

Библиографический список

Андреев М. Римского право и Славянската Еклога (за някои отклонения на славянската Еклога от римското право) / М. Андреев // Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. – София, [1958–1959]. – Т. 50, № 1. – С. 1–20.

Белякова Е. В. Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «Византизм» в русской государственности / Е. В. Белякова // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. – 2012. – № 5. – С. 34–50.

Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви / В. Н. Бенешевич. – СПб., 1905. – 334 с.

Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. / Д. М. Буланин. – München : Sagner, 1991. – 465 с.

Вершинин К. В. Мерило Праведное и особенности рецепции византийского права на Руси / К. В. Вершинин // Исторический вестник. – М., 2016. – № 17(164). – С. 100–135.

Византийский земельный закон / текст, исследование, комментарий подг. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская ; под ред. И. П. Медведева. – Л. : Наука, 1984. – 280 с.

Гаген С. Я. Византийское правосознание IV–XV вв. : монография / С. Я. Гаген ; отв. ред. член-корреспондент РАН И. П. Медведев. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 304 с.

Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции / С. А. Дробышевский. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 186 с.

Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России: опыты по истории русского гражданского права / Н. Л. Дювернуа. – М. : Унив. тип., 1869. – 416 с.

Ермолович В. И. Влияние римского права на развитие гражданского законодательства средневековых славянских стран / В. И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. трудов / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – Вып. 20. – С. 127–149.

Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема / В. М. Живов // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М., 2002. – С. 187–290.

Закон Судный людем: списки кр. ред. и воспроизв. списков / подгот. к печ.: М. Н. Тихомиров. – М. : Знание, 1961. – 567 с.

Заозерский Н. А. К истории номоканона в Византии и Древней Руси / Н. А. Заозерский // Прибавления к Творениям Св. Отцов. – 1886. – Ч. 37, кн. 1. – С. 412–427.

Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера ; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 1998. – 400 с.

Калачов Н. В. О значении Кормчей в системе древнего русского права / Н. В. Калачов. – М. : Унив. тип., 1850. – 128 с. [Приложение – 80 с.].

Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей под ред. проф. П. Г. Виноградова. – М. : Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. – Вып. 2. – 967 с.

Ковлер А. И. Антропология права : учебник / А. И. Ковлер. – М. : Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. – 467 с.

Кучма В. Νομος Στρατιωτικος (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права) / В. В. Кучма // Византийский временник. – 1971. – Т. 32(57). – С. 276–285.

Лисовой Н. Н. Постскрипtum / Н. Н. Лисовой // Щапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции / Я. Н. Щапов. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2011. – С. 233–235.

Лысенко О. Л. Эклога 726 г. – памятник права Византии эпохи иконоборчества и «правового новаторства» / О. Л. Лысенко // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. – 2014. – № 3. – С. 16–41.

Макаров Д. А. Особенности законодательства Исаврийской династии Византийской империи / Д. А. Макаров // Царскосельские чтения. – 2015. – Т. I, XIX. – С. 186–191.

Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства / Г. Г. Микаелян ; Акад. наук Армянской ССР, Ин-т истории. – Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1952. – 534 с.

Милов Л. В. Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) / Л. В. Милов // Ius Antiquum. Древнее право. – М., 1998. – № 1(3). – С. 13–119.

Милов Л. В. О древнейшей истории кормчих книг на Руси / Л. В. Милов // История СССР. – 1980. – № 5. – С. 105–123.

Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги) / Л. В. Милов // История СССР. – 1976. – № 1. – С. 142–163.

Морской закон родосцев / текст, исследование, комментарий подг. М. Я. Сюзюмовым // Античная древность и средние века : сб. статей УрГУ. – 1969. – Вып. 6. – С. 3–54.

Оболенский Д. Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов / Д. Д. Оболенский. – М. : Янус-К, 1998. – 655 с.

Павлов А. С. Курс церковного права / А. С. Павлов. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. – 539 с.

Павлов А. С. Первоначальный славяно-русский Номоканон / А. С. Павлов. – Казань, 1869. – 100 с.

Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : монография / В. И. Павлов. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 560 с.

Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект / А. А. Пичхадзе. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2011. – 408 с.

Пичхадзе А. А. Славянский перевод Эклоги / А. А. Пичхадзе // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. IX. История русского языка и культуры: памяти В. М. Живова. – М., 2016. – С. 86–97.

Суворов Н. С. Курс церковного права / Н. С. Суворов. – Ярославль, 1889. – Т. 1. – 369 с.

Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов / М. Н. Тихомиров ; Акад. наук СССР. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 254 с.

Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии / В. А. Томсинов // Вестник МГУ. Сер. 11, Право. – 2009. – № 4. – С. 3–26.

Успенский Ф. И. История Византийской империи. Периоды IV–V / Ф. И. Успенский. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2013. – 622 с.

Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов ; отв ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 16–19.

Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов ; отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 85–91.

Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси / С. Франклин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. – 552 с.

Цыпин В. Каноническое право / В. Цыпин. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 864 с.

Чемеринская В. В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство в X–XVII веках (опыт сравнительного анализа) : автореф. дис... канд. юрид. наук / В. В. Чемеринская ; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2004. – 25 с.

Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции / Я. Н. Шапов. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2011. – 240 с.

Шапов Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси. X–XIII вв. / Я. Н. Шапов. – М. : Наука, 1989. – С. 90–95.

Шапов Я. Н. Формирование церковной юрисдикции и проблема правового положения изгоев в Древней Руси / Я. Н. Шапов // Исторический вестник. – 2002. – № 1(16). – URL : http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/2.htm (дата обращения: 21.01.2025).

Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. – М. : Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1965. – 228 с.

Cöln F. J. The Nomocanonical Literature of the Copto-Arabic Church of Alexandria / F. J. Cöln // The Ecclesiastical Rev. Phil. – 1917. – Vol. 56, No. 2. – Pp. 113–141.

Darian-Smith E. Laws and societies in global contexts: contemporary approaches / E. Darian-Smith. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. – 422 p.

Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V / Herausgegeben von Ludwig Burgmann. – Frankfurt-am-Main, 1983. – 282 p.

Ethnography and law / ed. by Eve Darian-Smith. – Burlington : Ashgate, 2007. – 586 p.

Gallagher C. Church Law and Church Order in Rome and Byzantium: A Comparative Study / C. Gallagher. – Aldershot : Ashgate, 2002. XII. – 279 p.

Iuris Graeco-Romani tam canonici quam civilis tomi duo Johannis Levnclavii. Amelburni. – Francfurt, 1596. – T. II. – Pp. 79–133.

Kaufhold H. Sources of Canon Law in the Eastern Churches / H. Kaufhold // The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500 / ed. W. Hartmann, K. Pennington. – Washington, 2012. – Pp. 215–342.

Rouland N. Anthropologie juridique / N. Rouland. – 1 ed. – Paris : Les Presses universitaires de France, 1988. – 496 p.

Youssef Y. N. The Patriarch Macarius II and His Canons / Y. N. Youssef // Journal of Coptic Studies. – 2009. – Vol. 11. – P. 115–125.

References

A book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers edited by Professor P. G. Vinogradov. – Moscow : A. I. Mamontov Publishing House, 1897. – Issue 2. – 967 p.

Andreev M. Roman law and Slavic Ecloga (the difference between Slavic Ecloga and Roman Law) / M. Andreev // Yearbook at Sofia University. Faculty of Law. – Sofia, [1958–1959]. – Vol. 50, No. 1. – Pp. 1–20.

Belyakova E. V. The publication of the Printed Helmsman (1653) and "Byzantism" in Russian statehood / E. V. Belyakova // Bulletin of Moscow University. Series 8, History. – 2012. – No. 5. – Pp. 34–50.

Beneshovich V. N. Canonical collection of the XIV titles from the second quarter of the VII century to 883. Towards the ancient history of the sources of law of the Greek-Eastern Church / V. N. Beneshovich. – St. Petersburg, 1905. – 334 p.

Bulanin D. M. Ancient traditions in Ancient Rus literature of the XI–XVI centuries / D. M. Bulanin. – München : Sagner, 1991. – 465 p.

Chemersinskaya V. V. The influence of Byzantine law on Ancient Rus and Russian legislation in the X–XVII centuries (experience of comparative analysis) : abstract of the dissertation ... cand. jurid. sciences / V. V. Chemersinskaya ; Moscow State Law. akad. – M., 2004. – 25 p.

Drobyshevsky S. A. Political organization of society and law: a historical place and the beginning of evolution / S. A. Drobyshevsky. – Krasnoyarsk : Publishing house of Krasnoyarsk University, 1991. – 186 p.

Duvernois N. L. Sources of law and court in Ancient Rus: experiments on the history of Russian civil law / N. L. Duvernois. – Moscow : Univ. tip., 1869. – 416 p.

Ecloga: The Byzantine legislative code of the VIII century / introductory article, translation, commentary by E. E. Lipshits. – Moscow : Nauka Publishing House, Main Editorial Office of Oriental Literature, 1965. – 228 p.

Ermolovich V. I. The influence of Roman law on the development of civil legislation in medieval Slavic countries / V. I. Ermolovich // Law and Democracy : collection of scientific papers / editorial board: V. N. Bibilo (ed. in chief) [at all]. – Minsk : BSU, 2009. – Issue 20. – Pp. 127–149.

Franklin S. Writing, society and culture in Ancient Rus / S. Franklin. – St. Petersburg : Dmitry Bulanin, 2010. – 552 p.

Hagen S. Ya. Byzantine legal consciousness of the IV–XV centuries : a monograph / S. Ya. Hagen ; ed. by Corresponding member of the Russian Academy of Sciences I. P. Medvedev. – Moscow : Yurlitinform, 2012. – 304 p.

Kalachov N. V. On the significance of Helmsmen in the system of Ancient Rus law / N. V. Kalachov. – Moscow : Univ. tip., 1850. – 128 p. [Appendix – 80 p.]

Kovler A. I. Anthropology of law : a textbook / A. I. Kovler. – Moscow : NORMA Publishing House (NORMA–INFRA–M Publishing Group), 2002. – 467 p.

Kuchma V. V. Νομος Στρατιωτικος (On the question of the connection between the three monuments of Byzantine military law) / V. V. Kuchma // Byzantine Time Periodical. – 1971. – Vol. 32(57). – Pp. 276–285.

Lisovoy N. N. Postscript / N. N. Lisovoy // Shchapov Ya. N. The Byzantine "Ecloga of Laws" in the Russian written tradition / Ya. N. Shchapov. – St. Petersburg : Oleg Abyshko Publishing House, 2011. – Pp. 233–235.

Lysenko O. L. Ecloga of 726 – a monument of Byzantine law of the era of iconoclasm and "legal innovation" / O. L. Lysenko // Bulletin of Moscow University. Series 11, Pravo. – 2014. – No. 3. – Pp. 16–41.

Makarov D. A. Features of the legislation of the Isaurian dynasty of the Byzantine Empire / D. A. Makarov // Tsarskoye Selo Readings. – 2015. – Vol. I, XIX. – Pp. 186–191.

Mikaelian G. G. History of the Cilician Armenian State / G. G. Mikaelian ; Academy of Sciences Armenian SSR, Institute of History. – Yerevan : Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1952. – 534 p.

Milov L. V. On the ancient history of «Kormchajia Kniga» in Russia / L. V. Milov // History of the USSR. – 1980. – No. 5. – Pp. 105–123.

Milov L. V. On the Ancient Rus translation of the Byzantine Code of Laws of the VIII century (Ecloga) / L. V. Milov // History of the USSR. – 1976. – No. 1. – Pp. 142–163.

Milov L. V. The Byzantine Ecloga and the Extensive Russian Truth (problems of reception) / L. V. Milov // Ius Antiquum. Ancient law. – Moscow, 1998. – No. 1(3). – Pp. 13–119.

Obolensky D. D. The Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits / D. D. Obolensky. – Moscow : Janus-K, 1998. – 655 p.

Pavlov A. S. Course of church law / A. S. Pavlov. – Sergiev Posad : Holy Trinity Sergius Lavra, 1902. – 539 p.

Pavlov A. S. The original Slavic-Russian nomocanon / A. S. Pavlov. – Kazan, 1869. – 100 p.

Pavlov V. I. Anthropology of law in the context of legal, philosophical and religious traditions: the history of formation : a monograph / V. I. Pavlov. – Moscow : Yurlitinform, 2021. – 560 p.

Pichkhadze A. A. Slavic translation of the Ecloga / A. A. Pichkhadze // Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language. IX. The history of the Russian language and culture: in Memory of V. M. Zhivov. – Moscow, 2016. – Pp. 86–97.

- Pichkhadze A. A.* Translation activity in pre-Mongol Russia: a linguistic aspect / A. A. Pichkhadze. – Moscow : Handwritten monuments of Ancient Rus, 2011. – 408 p.
- Shchapov Y. N.* The Byzantine "Ecloga of Laws" in the Russian written tradition / Ya. N. Shchapov. – St. Petersburg : Oleg Abyshko Publishing House, 2011. – 240 p.
- Shchapov Y. N.* The formation of church jurisdiction and the problem of the legal status of outcasts in Ancient Rus / Ya. N. Shchapov // Historical Bulletin. – 2002. – № 1(16). – URL : http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/2.htm (date of access: 01.21.2025).
- Shchapov Y. N.* The state and the Church in Ancient Rus. X–XIII centuries / Ya. N. Shchapov – Moscow : Nauka, 1989. – Pp. 90–95.
- Suvorov N. S.* Course of church law / N. S. Suvorov. – Yaroslavl, 1889. – Vol. 1. – 369 p.
- The Byzantine agricultural law / text, research, commentary edited by E. E. Lipshits, I. P. Medvedev, E. K. Piotrovskaya ; edited by I. P. Medvedev. – Leningrad : Nauka Publ., 1984. – 280 p.
- The Charter of Prince Vladimir on tithes, courts and people of the church // Ancient Rus princely charters of the XI–XV centuries / comp. Ya. N. Shchapov, ed. by L. V. Cherepnin. – Moscow : Science, 1976. – Pp. 16–19.
- The Charter of Prince Yaroslav on ecclesiastical courts [Extensive edition. The main drawback] // Ancient Rus princely charters of the XI–XV centuries / comp. Ya. N. Shchapov ; ed. by L. V. Cherepnin. – Moscow : Nauka, 1976. – Pp. 85–91.
- The institutions of Justinian / translated from Latin by D. Rassner ; edited by L. L. Kofanov, V. A. Tomsinov. – Moscow : Zertsalo, 1998. – 400 p.
- The Law of Judgment people: Lists of kr. ed. and by reproducing. lists / ready, translated by M. N. Tikhomirov. – Moscow : Znanie Publ., 1961. – 567 p.
- The Maritime law of the Rhodians / text, research, commentary edited by M. Y. Syuzyumov // Ancient antiquity and the Middle Ages : collection of articles of USU. – 1969. – Vol. 6. – Pp. 3–54.
- Tikhomirov M. N.* Research on the Russian Truth. The origin of texts / M. N. Tikhomirov ; Academy of Sciences of the USSR. – Moscow ; Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. – 254 p.
- Tomsinov V. A.* Jurisprudence of Ancient Rus and the legal culture of Byzantium / V. A. Tomsinov // Bulletin of Moscow State University. Ser. 11, Pravo. – 2009. – No. 4. – Pp. 3–26.
- Tsypin V.* Canon law / V. Tsypin. – Moscow : Sretensky Monastery Publishing House, 2009. – 864 p.
- Uspensky F. I.* History of the Byzantine Empire. Periods IV–V / F. I. Uspensky. – Moscow : Academic project ; Yekaterinburg : Business Book, 2013. – 622 p.
- Vershinin K. V.* The standard of Righteousness and the peculiarities of the reception of Byzantine law in Russia / K. V. Vershinin // Historical Bulletin. – 2016. – No. 17(164). – Pp. 100–135.
- Zaozersky N. A.* On the history of the Nomocanon in Byzantium and Ancient Rus / N. A. Zaozersky // Additions to the Works of St. Fathers. – 1886. – Part 37, Book 1. – Pp. 412–427.
- Zhivov V. M.* The history of Russian law as a linguistic and semiotic problem / V. M. Zhivov // Research in the field of history and prehistory of Russian culture. Moscow, 2002. – Pp. 187–290.

Coln F. J. The Nomocanonical Literature of the Copto-Arabic Church of Alexandria / F. J. Coln // The Ecclesiastical Rev. Phil. – 1917. – Vol. 56, № 2. – Pp. 113–141. [In Engl.]

Darian-Smith E. Laws and societies in global contexts: contemporary approaches / E. Darian-Smith. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. – 422 p. [In Engl.]

Ecloga. The Law Code of Leon III and Konstantinos' V / ed. by Ludwig Burgmann. – Frankfurt-am-Main, 1983. – 282 p. [In Germ.]

Ethnography and law / ed. by Eve Darian-Smith. – Burlington : Ashgate, 2007. – 586 p. [In Engl.]

Gallagher C. Church Law and Church Order in Rome and Byzantium: a Comparative Study / C. Gallagher. – Aldershot : Ashgate, 2002. – XII. – 279 p. [In Engl.]

Iuris Graeco-Romani tam canonici quam civilis tomi duo Johannis Levnclavii. Amelburni. – Francfurt, 1596. – T. II. – Pp. 79–133. [In Engl.]

Kaufhold H. Sources of Canon Law in the Eastern Churches / H. Kaufhold // The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500 / ed. W. Hartmann, K. Pennington. – Washington, 2012. – Pp. 215–342. [In Engl.]

Rouland N. Anthropologie juridique / N. Rouland. – 1 edition. – Paris : Les Presses universitaires de France, 1988. – 496 p. [In French]

Youssef Y. N. The Patriarch Macarius II and His Canons / Y. N. Youssef // Journal of Coptic Studies. – 2009. – Vol. 11. – P. 115–125. [In Engl.]

Для цитирования:

Павлов В. И. Антрополого-правовые и текстологические особенности рецепции норм византийского права в праве Древней Руси (на примере византийского источника права «Эклога») // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 31–63.

Recommended citation:

Pavlov V. I. Anthropological, legal and textual features of the reception of the norms of Byzantine law in the law of Ancient Rus (on the example of the Byzantine source of law “Eclogue”) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 31–63.

Сведения об авторе

Павлов Вадим Иванович – ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор
E-mail: vadim.i.pavlov@mail.ru

Information about author

Pavlov Vadim Ivanovich – Leading Researcher at the Institute of Legal Studies of the National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, Candidate of Law, Professor
E-mail: vadim.i.pavlov@mail.ru